

90-летие со дня рождения А. М. Горького

Перед зрителями проходит жизнь Горького...

К 90-летию со дня рождения А. М. Горького Центральная студия документальных фильмов выпустила новую кинокартину, посвященную жизни и творчеству великого русского писателя. Поставил фильм режиссер С. Бубрин по сценарию Л. Никулина.

Страница за страницей проходит перед зрителями жизнь Горького, полная борьбы и напряженного труда, жизнь, целиком отданная служению родному народу. На экране места, связанные с наиболее важными датами его биографии, — Нижний Новгород, где родился будущий писатель, домик его деда, где прошли детские годы Алеша, Волга, великая русская река — широкая дорога Пешкова «в люди», Казань — город несбывшейся мечты Горького об университете, город, где он познакомился с революционером Н. Федосеевым, указавшим ему путь к марксизму. Многие съемки, относящиеся к более позднему периоду жизни писателя, сделаны в Москве и в других городах страны, а также за границей.

Волнующие эпизоды фильма рассказывают о великой дружбе, связывавшей А. М. Горького с В. И. Лениным, о той высокой оценке, которую Владимир Ильич давал творчеству великого художника слова.

Фильм повествует о литературной деятельности Горького, о той роли,

какую сыграли его произведения в развитии революционного движения, об огромном значении деятельности Алексея Максимовича в истории советской и мировой литературы, о популярности его произведений во всех странах мира. Фрагменты из спонтанней московских театров — МХАТа и театра им. Евг. Вахтангова показывают, как воплощались на сцене творения Горького.

Кадры киноленты, включенные в новый фильм, позволяют увидеть Горького таким, каким знали его современники. Они являются ярким свидетельством неразрывной связи великого писателя со своим народом — Горький на фабрике «Трехгорная мануфактура», на празднике Дня урожая в совхозе «Гигант», на стадионе «Динамо» в день слета комсомольцев Красной Пресни, на Балтийском судостроительном заводе, среди воспитанников колоний Куряж, созданной Макаренко, и т. д. Включены в фильм звуковые съемки беседы Горького с пограничниками на станции Негорелово, выступление его на первом Всесоюзном съезде советских писателей. Некоторые из кадров киноленты демонстрируются впервые и являются уникальными.

Новый документальный фильм «Горький» выходит на экраны.

(ТАСС).

Волжские встречи

На саратовской пристани и на берегу было чрезвычайно многолюдие. Руководящие работники города, журналисты, студенты, ученые, военные, портные, рабочие, грузчики — все стремились проникнуть на пароход, чтобы увидеть Горького. Алексей Максимович ехал с семьей вниз по Волге.

Пароход стоял не больше часа, шла погрузка. Оживленная толпа, заполнившая дебаркадер, мешала грузчикам, они шумно выкрикивали: «Поберегись!». Команда парохода сдерживала толпу. И все-таки многие прорвались на пароход, заполнили верхнюю палубу и

носовую рубку. Саратов предлагал Горькому свое гостеприимство.

— Остались бы хоть на денек, Алексей Максимович.

— Не могу, друзья, езды у меня много. Давно езжу. На севере был, на Соловках, теперь на юг путь лежит, до Каспия, время рассчитано. Хорошо кататься по Волге, да и работать же надо.

За час, пока стоял пароход, трудно было заметить, что к энергичным людям, у которых в руках блокноты, Горький относится с совершенно открытой неприязнью. Очень хорошо, что у меня нет на этот счет никаких редакционных поручений.

Горького сопровождают сын Максим Алексеевич Пешков, его жена и две славные темноглазые девочки — внуки писателя. И еще Крюков, суровая личность в полубоевой форме, говорящий, телодержатель Горького. Но от кого же он должен охранять великого писателя, окруженного искренней всенародной любовью?

Позже я убедился, что надо оберегать и от любви, которая часто проявляется народом столь бурно и запросто. А дружелюбные руки волгарей довольно мускулисты. И часто, когда к Горькому протягивались эти руки, — в объятия ловко попадал Максим Пешков. Это плечистый, хорошо сложенный человек с красивым выхоленным лицом и веселыми общительными глазами. Он по-спортивному легко и непринужденно умел слегка отеснить толпу собеседников и засыпать ее отвлекающими вопросами.

Когда пароход отвалил, Горький облегченно вздохнул, обтирая платком потное лицо.

— У-ф-ф. Пропарили...

У пристаней Горький старался не появляться на палубе. Однако на берегу каким-то образом узнавали о нем. Люди сбегались к пристани и хором выкрикивали приветствия Горькому.

В Быковых Хуторах базар на какое-то время прекратил шумную торговлю молоком и арбузами. На берегу хлопало в ладоши и скандировали:

— Горький! Горький! А ну, покажись, Горький!

Алексей Максимович осторожно выглядывал из-за толстой вентиляционной трубы, озабоченно покачивая головой. Потом засмеялся.

— Ну и орут арбузники!

Вышел, поклонился и помахал руками берегу.

Трудности начались в Сталинграде. Город настойчиво упрашивал, чтобы Горький задержался на сутки.

— Родные же места, Алексей

Максимович... Мы уже все приготовили, отдохнете денек... А вот делегация с «Красного Октября».

— Французский раньше назывался, помните, Алексей Максимович?

И тут, перекрывая миролюбивые, душевные разговоры, на передовую линию прорвался долговязый сотрудник газеты, бывший балтийский матрос Володя Кувшинников, писавший под псевдонимом Тройка. Он стремительно ухватил руку Горького и пожал ее. Потом протянул блокнот и карандаш.

— Пару слов, Алексей Максимович! Приветствие трудящимся Сталинграда!

Горький не на шутку рассердился.

— Отстаньте! Уходите. Сейчас все уйдите. Ничего я вам не скажу! Ну?

Пока Крюков оттеснял Тройку, Алексея Максимовича уже вывели на дебаркадер. Тройка свирепо держал меня за плечи.

— На этом пароходе? С Горьким едешь? Давай блокнот. Все, что есть, давай, беги в редакцию, в набор, в ленту диктуй. У нас ведь ни строки! Бегом!

На дебаркадере, приближаясь к мосткам, Горький остановился. Он пристально всматривался в лица. Потом радостно охнул, поднял руки, издал как бы обнимая кого-то. К нему неторопливо приблизились по-праздничному одетые мужчина и женщина рабочего облика, люди преклонного возраста, но не очень старые.

Горький горячо обнял и расцеловал их, глаза его повлажнели.

— Пришли, дорогие! Вот спасибо, друзья. Значит, живы, здоровы. Молодцы!

Это были его сотоварищи по работе на станции Воропоново.

— Как это ты узнал нас, Алеша? — спросила женщина.

— Еще бы не узнать. Сердцем узнал.

— А мы тебя издали узнали, по усам. Большой ты человек.

— Длинный, — поправил Горький. — Я думал о вас, когда подъезжал к городу.

Женщина, подойдя вплотную к

Горькому, передала ему маленький узелок.

— Яичек вот сварила, да и пышек напекла.

— Спасибо, родная, хотя с харчами у меня дело обстоит неплохо.

— Да ведь тебе, Алеша, гляди, и пообедать некогда, — сочувственно заметил старик. — Люди кругом и у всех до тебя дело. Знаменитый ты, на весь мир известный человек.

— Да вот так как-то получилось, друзья... Эх, хочется мне побывать у вас, да времени в обрез.

Передав узелок Крюкову, Горький положил руки на плечи старых друзей и вместе с ними ступил на мостки, продолжая тихий, неторопливый разговор.

Я не записал фамилии этих людей, близких друзей Горького, — нелегко было показывать блокнот. Я радовался, что Тройка куда-то исчез — он мог помешать этой интимной, душевной беседе друзей.

Представители города повезли Горького в гостиницу. О том, что произошло там, знаю со слов Кувшинникова-Тройки.

Едва Горький подошел к дверям лучшего номера, в котором был накрыт стол, как двери распахнулись и матрос-репортер Тройка низко поклонился гостю.

— Добро пожаловать, Алексей Максимович.

Горький развел руками, сокрушенно вздохнул и крикнул.

— Уф! Победил-таки, чорт его подери. Ну что ж, давайте ваш блокнот.

Он написал карандашом краткое приветствие сталинградцам.

...Пароход продолжал путь на Астрахань. Поздно вечером Горький вышел на палубу. Пассажиров было мало: договорились не мешать Горькому, не заглядывать ему в глаза — пусть отдохнет.

Горький много курил, вставляя папиросы одну за другой в длинный мундштук. У него узкие нерабочие ладошки и очень длинные пальцы, такие руки бывают у музыкантов. Голова плотно обстрижена, отто-

го усы кажутся особенно крупными.

Двое беседовали о хлопчатнике. Горький, пододвинув кресло, спросил:

— А в самом деле хлопчатник растет под Астраханью?.. Хорошо. В нашей стране все еще не хватает своего хлопчатника, валюту за него приходится платить. А в Астрахани жарко и сыро. Пожалуй, пойдет хлопчатник. Надо посмотреть.

В Астрахани настроение Горького было испорчено самым решительным образом. Пароход пришел в три часа ночи. Густой туман обволакивал берег. Воздух полон сырости. Пассажиры договорились с помощником капитана — спать в каютах до утра.

Горький и его семья мирно спали, когда берег провозгласил громовое всеокрушающее ура.

— Ура Горькому! Привет Алексею Максимовичу! Ура-а!

По палубе нашего парохода затопали сотни ног — как во время пожара.

И вот толпа уже у дверей горьковской каюты.

— Ура Алексею Максимовичу! А мы с самого вечера ждем. Выходи, Алексей Максимович!

Полуодетый Горький выглянул из каюты. Кто-то из местных руководителей начал размашистую пламенную речь.

— Подождите! — остановил Горький и глубоко закашлялся, стискивая грудь длинными пальцами.

— Ну, подумайте сами, товарищи! Поймите же, что так нельзя. Я не молод и не здоров...

А в толпе гремело:

— Ура Алексею Максимовичу!..

Вот тут-то и пригодился Крюков.

Не произнося ни слова, он оттеснил астраханцев от закрытой двери каюты и так же молча выводил их на палубу.

Однако берег до самого утра кипел народом и слышно было, как в тысячной толпе люди убеждали друг друга соблюдать тишину: надо же поспать человеку.

Это был первый приезд Горького на Родину после длительного пребывания на Капри.

Иван ЕГОРОВ.